УДК 316.334:159.922.4(571.1/.5)
DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-40-44

О. М. Рындина, доктор исторических наук, профессор,
Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)
rynom_97@mail.tomsknet.ru

КОДЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации этнической культуры в условиях модернизации при сохранении ею базовой функции – воспроизводства этноса. Подчеркивается, что своеобразие этнической культуры концентрируется в её символическом ядре, что превращает культуру в основу для определения этнической идентичности. На общесибирском материале выявляются новые уровни и формы трансляции и актуализации этнической культуры. Раскрывается положение о том, что с утратой этносом традиционного образа жизни функционирование культуры всё более смещается в символическую сферу, а основным субъектом её трансляции становятся социальные институты разного вида.

Ключевые слова: символ, традиционная культура, этническая идентичность, современные этнокультурные процессы.

В общественных науках в XX в. наметился чрезвычайный рост интереса к роли символических форм в жизни общества. Не стала исключением и этнография. Основатель в её рамках такого направления, как интерпретативная антропология, К. Гирц тонко подметил: «Значение, эта неуловимая и неясная псевдоматерия, которую мы с готовностью отдали на растерзание философам и литературным критикам, теперь вернулась в самый центр нашей дисциплины» [1, с. 39]. Культуру исследователь определил как систему смыслов, воплощённых в символической форме, где в роли символов выступают слова, действия, предметы, посредством которых человек вступает в коммуникацию с другими людьми и формирует своё мировоззрение. Смысл семиотического подхода к культуре он видел в том, «чтобы помочь нам получить доступ к концептуальному миру, в котором живут изучаемые нами люди, с тем чтобы мы могли вести с ними диалог» [1, с. 33].

Культура не существует вообще, абстрактно, она представлена множеством более или менее устойчивых вариантов, которые крупнейший отечественный культуролог Э. С. Маркарян назвал «исторически данными культурами» – греческая, эллинская, исламская [2, с. 40]. При этом наиболее устойчивым видом исторически данных культур учёный считал этническую культуру. Под нею понимается своеобразный, неповторимый комплекс элементов, отличающих культуру одного народа от другого [3, с. 53]. При всём современном разнообразии трактовок этничности как чувства или осознания общности, объединяющего народ, их представители, включая сторонников и примордиализма, и конструктивизма, и ситуационизма, именно культуру определяют основой данного феномена. Она выступает в качестве базы и при определении этнической идентичности, т. е. индивидуального отождествления себя с каким-либо этносом, правда при этом может представлять как в реальном, так и в символическом исполнении.

Для каждой этнической культуры характерно своё поле смыслов. Оно меняется со временем, но вместе с тем продолжает прочно удерживать базовые символы, выработанные в традиционном, доиндустриальном обществе. Более того, именно эти традиционные символы актуализируются в современности и становятся главными скрепами, не позволяющими рассыпаться этнической общности, раствориться в иноэтнической и этнокультурной среде.

Вторая половина XX в. во всём мире прошла под знаком этнического Ренессанса, т. е. усиления интереса к этническим традициям, стремления возродить их. Поскольку важную роль в указанных процессах сыграла национальная интеллигенция прежде всего коренных народов, социологи объяснили это в том числе и формированием «независимых интеллектуальных элит» на уровне этноса, их «взрослением», обусловленным модернизацией [4, с. 6–9]. В Российской Федерации стремление к возрождению этнической культуры отчётливо обозначилось со второй половины 1980-х гг. Начало XXI в. продемонстрировало развитие означенного процесса, более того, в международной жизни он вышел на государственный уровень и принял форму национализма. Оставляя в стороне различные подходы к явлению национализма и его трактовку, отмечу, что он неизбежно связан с обращением к историческому и культурному опыту нации и актуализацией некоторых базовых идей, смыслов и символов, почерпнутых из этого опыта. Фильтром, определяющим предмет актуализации, нередко становятся политические интересы национальной элиты.

Опыт Российской Федерации свидетельствует о том, что в настоящее время актуализация этнокультурного опыта с целью сохранения и трансляции этнической культуры принимает различные формы и проявляется на разных уровнях. Попытка классификации этих форм, предпринятая в рамках настоящей статьи, привела к выделению четырёх уровней актуализации традиционной символики, цементирующей этническую культуру.

Первый уровень – официальный. Он показателен прежде всего для субъектов Российской Федерации, выделенных на основе национально-территориального признака. Формы актуализации традиционной этнической символики здесь разнообразны.

Государственная геральдика, и прежде всего герб, здесь включают изобразительные сюжеты или орнаментальные мотивы, ассоциирующиеся с этнической историей и культурой титульного этноса или этносов. Так, белый барс на гербе Республики Татарстан символизирует связь с Алтаем как исторической прародиной татар. Республики самого Саяно-Алтайского региона поиск образного решения современных гербов тоже осуществляли в историческом прошлом и традиционной культуре народа. Так, грифон – центральный образ герба Республики Алтай – подчёркивает связь с традициями скифо-сибирского мира, сложившегося в I тыс. до н. э. Главный символ Республики Тыва, скачущий на коне всадник в национальном костюме, выражает специфику традиционного образа жизни народа. Центральную часть герба Республики Хакасия занимает изображение свернувшегося в кольцо барса, канон которого хорошо известен по памятникам тагарской археологической культуры VII–III вв. до н. э. [5, с. 131, 134, 138]. Эталонный уровень орнаментального творчества у коренных народов Приобья, хантов и манси, обусловил включение в герб наиболее популярного в меховой мозаике орнаментального мотива.

Традиционные обряды и праздники получают статус национальных республиканских и презентуют этническую культуру титульного этноса, подчёркивая его тесные культурные связи с другими этническими общностями.

Так, в Республике Алтай с 1998 г. национальным праздником стал Эл-Ойын, сконструированный интеллигенцией на основе элементов традиционной культуры, главным образом различных состязаний. Прообразом праздника стал обряд чествования лета перед началом дальних перекочёвок к высокогорным альпийским пастбищам, важным обрядовым действием которого было благодарение горных духов за благополучный выход из долгой зимы и хороший приплод скота. После молитвенных подношений духам проводили игры и зрелищные спортивные состязания: конные скачки, борьбу куреш. Своеобразным преемником обряда в советскую эпоху стал «День Пастуха», проводившийся почти в каждом селе Горного Алтая и приуроченный к завершению весенних работ и угону скота на летние пастбища. Впервые праздник Эл-Ойын был организован и проведен в селе Ело Онгудайского р-на с 30 июня по 3 июля 1988 г. силами национальной интеллигенции [6].

Для Республики Саха главным праздником стал Ысыах, реконструированный на основе традиционного обряда, проводимого якутами в честь древних духов айыы, культ которых их предки принесли с исторической прародины, локализованной в Забайка-

лье. Описания праздника на основе материалов, относящихся ко второй половине XIX в. [7], характеризуют его как обряд новогоднего цикла, посвящённый благодарению духов за прожитый период времени и испрашиванию удачи на предстоящий. Главным действующим лицом праздника являлся белый шаман, исполнявший молитвы, обращённые к духам и приносивший им подаяния в виде возлияния молока на жертвенный костёр. В советское время праздник бытовал как трудовой, и сакральный элемент в нём был максимально приглушён [8].

Формой актуализации традиционной символики на официальном уровне стало учреждение и поддержка республиканских и окружных музеев, в различных направлениях деятельности которых существенное место занимает этнический компонент. Поддержка национальных музеев в южносибирских республиках (Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина, Национальный музей Республики Тыва им. Л. Р. Кызласова, Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр) – один из приоритетов культурной политики на региональном уровне. Свидетельством тому служит ряд целевых программ, концепций и стратегий. В них изложены пути решения существующих проблем, среди которых укрепление материально-технической базы, развитие туризма и поддержание культуры коренного этноса, развитие музейной деятельности. Этнографические коллекции по традиционной культуре коренных народов в данных музеях занимают подчиненное положение в силу богатейшего археологического наследия Саяно-Алтайского региона. Тем не менее, предметы этнографии хорошо представлены в постоянных экспозициях: это посуда и другие предметы быта, одежда, обувь, охотничьи и рыболовные приспособления, конское снаряжение, ритуальная атрибутика, предметы декоративно-прикладного искусства и т. д. Центральным экспонатом для всех музеев служит жилище – юрта, в которой воссоздается характерный для культуры того или иного народа – алтайцев, хакасов, тувинцев – интерьер [9, с. 122, 215].

Формы музеефикации традиционной культуры в музеях варьируются. В постоянной экспозиции Таймырского краевого музея на высоком профессиональном уровне представлены уникальные аутентичные образцы предметов жизнедеятельности, характеризующие традиционную культуру всех обитающих на нём коренных народов – нганасан, ненцев, долган, эвенков и юкагиров, а также обосновавшихся здесь позднее русских. В Лянторском этнографическом музее, находящемся в Сургутском районе Тюменской области, проведены аутентичные реконструкции жилых и хозяйственных построек во всём их многообразии, зафиксированном у хантов, причём с учётом локального своеобразия пимской группы этноса [10]. Музеи Якутии демонстрируют работу по возрождению утраченных элементов культуры, например берестяной юрты урасы, а также их последующей

модернизации, например в виде музейного здания, по форме напоминающего урасу.

На официальном уровне создаются и поддерживаются культурные центры, призванные содействовать сохранению этнической культуры и её символов. Так, в Томской области существуют два бюджетных образования – Центр татарской культуры и Российско-немецкий дом. Первый расположен в историческом районе города – татарской слободе, а именно в её архитектурной жемчужине – доме купца Каримбая. К важнейшим мероприятиям, проводимым центром, следует отнести ежегодное празднование Сабантуя, который превращается в демонстрацию элементов традиционной культуры, и прежде всего татарской кухни, спортивных состязаний. В Дудинке активно функционирует Центр народных художественных промыслов, где представлены изделия народных мастеров, образцы профессионального творчества, проводятся театрализованные интерактивные представления с посетителями, раскрывающие отдельные сюжеты традиционного мировоззрения коренных народов Таймыра.

Наконец, благодаря поддержке официальных властных структур этническая тематика и символика активно проникают в республиканские и окружные СМИ.

Второй уровень внедрения в современное общество традиционной символики – общественный. Он представлен общественными организациями разного вида, и прежде всего национально-культурными автономиями. В 1980–1990-е гг. именно с этого уровня началось активное движение за возрождение традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера. Формы презентации здесь этнической символики тоже разнообразны.

Организация и проведение фестивалей, конкурсов, связанных с традиционными технологиями, творчеством. Например, День оленевода в Ямало-Ненецком автономном округе, который является настоящим смотром мастерства в разных видах его проявления – в пошиве традиционной одежды из оленьего меха, изготовлении традиционных декоративно-прикладных изделий, в спортивных состязаниях.

Создание самостоятельных, вокальных и хореографических, коллективов и их концертная деятельность, позволяющая сохранять и транслировать фольклор и специфические виды исполнительского искусства.

Организация кружков по ознакомлению с элементами традиционной культуры, обучению народным художественным ремёслам, передаче фольклорной традиции.

Формирование коллекций предметов, аутентичных, реконструированных или модернизированных, но в любом случае презентующих этническую культуру. Обычно со временем на основе подобных коллекций возникают учреждения музейного типа или музейные «уголки», где они выставляются и хранятся. Так, в школу дер. Чёрная речка Томского

района были переданы предметы быта, собранные Центром татарской культуры. На этой основе возник кружок по изучению татарской культуры, и открылась выставка, в которой частично воспроизведён традиционный интерьер.

Третий уровень – профессиональный. Тон здесь задаёт национальная интеллигенция, художественная и научная. В деятельности профессиональных художников, поэтов, певцов, музыкантов неизменно проявляется мировоззрение этноса, и чем оно самобытнее, тем интереснее их творчество. Полотна хантыйского художника Г. Райшева или произведения хантыйского писателя Е. Айпина помогают проникнуть в хантыйскую культуру или хотя бы приблизиться к её пониманию не меньше, чем её материализованные или обрядово-фольклорные формы. В последнее время появляются художественные коллективы, в деятельности которых присутствует элемент коммерции. Это – профессиональные исполнители горлового пения – хая, родиной которого является Тува, в республиках Южной Сибири, это – Театр моды стилизованной одежды в Республике Бурятия, это – и вокально-инструментальный ансамбль «Этнорок» в Тюменской области, солистка которого, Вера Кондратьева, исполняет песни, танцы и фольклор хантов в современной обработке. Следует отметить, что в творчестве художественной интеллигенции традиция порой подвергается существенной переработке, даже переосмыслению, что вызывает недовольство, а порой и протест общественности.

Научная интеллигенция, сформировавшаяся позднее творческой, сегодня представлена научными сотрудниками нередко с научными степенями, которые во многом восприняли функцию знахарей, шаманов, вождей, жрецов в традиционной культуре – служить хранилищем общественных знаний, опыта и транслировать их в процессе исполнения своих функций. Статьи, монографии, альбомы, издаваемые научной интеллигенцией, ценны не только глубиной информации, но и её эмпатичной трактовкой, исходя из ментальных установок материнской культуры. Научные и научно-практические семинары, конференции, иницируемые научной интеллигенцией, нередко принимают международный статус и провоцируют возникновение острых дискуссий, равно как и способствуют их плодотворному протеканию и результативному завершению. Обычно научные мероприятия проходят с подключением творческих коллективов, самостоятельных или профессиональных.

И, наконец, бытовой уровень актуализации этнической символики, основной в традиционной культуре и стремительно утрачивающий свои лидирующие позиции в современности. Именно на этом уровне смысловое поле символов этнической культуры сохраняется в наиболее чистом виде. Правда, при этом следует подчеркнуть важное обстоятельство: традиционная культура на уровне повседневности сохраняется там и тогда, где и когда сохраняется

традиционное хозяйство. Связь между этими явлениями функциональна. В случае её нарушения сохранение культуры принимает лишь символические формы. Культура как система символов сама превращается в символ, происходит абсолютная символизация этнокультурного пространства. И даже в этих условиях этническая культура способна оставаться основой для определения этнической идентичности.

Таким образом, элементы традиционной культуры по-прежнему окрашены в этнические тона и в настоящее время осваивают новые социальные уровни, приобретают новые формы трансляции, но не теряют своей актуальности в плане поддержания этнической идентичности.

Список литературы

1. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Интерпретация культур. Москва, 2004. С. 11–42.
2. Маркарян Э. С. Этнические культуры в общей системе локального разнообразия человечества // Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 40–52.
3. Арутюнов С. А., Мелконян Э. Л. Культура жизнеобеспечения в этнических системах // Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 53–60.

4. Сусокулов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. Москва, 1990. Вып. 20. С. 5–39.

5. Самушкина Е. В. Символические и соционормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия. Новосибирск, 2009. 274 с.

6. Чарышова М. Ю. Эл-Ойын праздник алтайского народа // Этюды культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых учёных (г. Томск, 25 апреля 2014 г.). Томск, 2014. С. 152–157.

7. Эргис Г. У. Праздник ысыах второй половины XIX в. // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Якутск, 1961. Т. 2. С. 67–76.

8. Лельчук Л. Г. Современное празднование ысыаха у якутов // Отражение этнических процессов в памятниках бытовой культуры. Ленинград, 1984. С. 102–113.

9. Курьянова Т. С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири. Томск, 2015. 256 с.

10. Золотарёва Н. В. Лянторский хантыйский этнографический музей как центр воспроизводства этнокультурных ценностей хантов // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и трансграничье. Москва, Берлин, 2015. С. 204–217.

Olga M. Ryndina, Doctor Of Historical Sciences, Professor,
National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)
rynom_97@mail.tomsknet.ru

CODES OF A TRADITIONAL CULTURE AND AN ETHNIC IDENTITY IN THE MODERN ERA

Summary. Original face of an ethnic culture accumulates in its symbolic core that strongly holds a basic level of symbols created by collective efforts of traditional (which means here *pre-industrial*) society.

Such traditional symbols play a role of a key orienteer for a personality and for a social group that are in process of search of their own identity. These symbols do not let an ethnic community to disintegrate itself, stop its assimilation in foreign-language ethnic and cultural sphere.

In the author's opinion, an ethnos' slow refusal of traditional way of life results a "migration" of ethnic culture in symbolic sphere; social institutions have become the main subject of retranslation for culture.

The author offers her own version of today's levels of actualization of traditional symbology which marks an ethnic culture. The analysis of all-Siberian thematically specialized materials let the author to discover some innovative forms of several indigenous peoples' culture expansion (such as Altaians, Khantes, Tuvans, Shors, Buryats, Nenets, Tatars, Khakas people, etc.).

The author focuses the readers' attention on functional character of a relation between day-to-day tradi-

tional culture and a level of integrity of traditional mode of economic life: any serious break of such relation entails simplification of looking after culture – measures aimed at its preservation take symbolic forms. Culture considered as a symbolic system became a symbol itself; absolute symbolization of ethnic and cultural sphere happens. But even in such conditions, in the author's eyes, an ethnic culture is able to successfully guide a process of a personality's and a social group's search of an identity.

Keywords: a symbol, a traditional culture, an ethnic identity, today's social and cultural processes.

References

1. Girz K. «Nasyshchennoe opisanie»: v poiskah interpretativnoj teorii kul'tury [“Rich Description”: Searching the Interpretative Theory of Culture] // Interpretaciya kul'tur [Interpretation of Cultures]. Moscow, 2004. Pp. 11–42. [In Russ.].
2. Markaryan E. S. Etnicheskie kul'tury v obshchej sisteme lokal'nogo raznoobraziya chelovechestva [Ethnic Cultures in General System of Local Diversity of the Mankind] // Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos [Cul-

ture of Life Support and an Ethnos]. Erevan, 1983. Pp. 40–52. [In Russ.].

3. *Arutyunov S. A., Melkonyan E. L.* Kul'tura zhizneobespecheniya v etnicheskikh sistemah [Culture of Life Support in Ethnic Systems] // Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos [Culture of Life Support and an Ethnos]. Erevan, 1983. Pp. 53–60. [In Russ.].

4. *Susokulov A. A.* Strukturnye faktory samoorganizatsii etnosa [Structural Factors of an Ethnos Self-Organization] // Rasy i narody [Races and Ethnoses]. Moscow, 1990. Is. 20. Pp. 5–39. [In Russ.].

5. *Samushkina E. V.* Simvolicheskie i socio-normativnye aspekty sovremennogo etnopoliticheskogo dvizheniya respublik Altaj, Tyva, Hakasiya [Symbolic and Socio-Normative Aspects of Today's Ethnopolitical Movement in The Republic of Altai, The Republic of Tyva, The Republic Khakassia]. Novosibirsk, 2009. 274 p. [In Russ.].

6. *Charyshova M. Yu.* El-Oiyn prazdnik altajskogo naroda [El-Oiyn – the Altaians' Celebration] // Etyudy kul'tury [Studies of Culture]. Tomsk, 2014. Pp. 152–157. [In Russ.].

7. *Ergis G. U.* Prazdnik ysyah vtoroj poloviny XIX v. [The Ysyakh Celebration in the Second Half of the 19th Century] // Sbornik statej i materialov po

etnografii narodov Yakutii [Collected Works on Ethnography of Peoples of Yakutia]. Yakutsk, 1961. Vol. 2. Pp. 67–76. [In Russ.].

8. *Lel'chuk L. G.* Sovremennoe prazdnovanie ysyaha u yakutov [Today's Yakuts' Celebration of the Ysyakh] // Otrazhenie etnicheskikh processov v pamyatnikah bytovoj kul'tury [Reflection of Ethnic Processes in Day-To-Day Life Culture Monuments]. Lenin-grad, 1984. Pp. 102–113. [In Russ.].

9. *Kur'yanova T. S.* Aktualizaciya kul'turnogo naslediya korennyh narodov v muzeyah Yuzhnoj Sibiri [Actualization of Indigenous Peoples' Cultural Heritage in Museums of the Southern Siberia]. Tomsk, 2015. 256 p. [In Russ.].

10. *Zolotaryova N. V.* Lyantorskij hantyjskij etnograficheskij muzej kak centr vosproizvodstva etnokul'turnyh cennostej hantov [The Lyantor Khantes' Museum as the Reproduction Center for Khantes' Ethnic and Cultural Values] // Etnokul'turnoe vosproizvodstvo v usloviyah globalizacii: etnoperekrestki i transgranich'e [Ethnic and Cultural Reproduction in Globalized World: Ethnic Crossroads and Cross Border Areas]. Moscow, Berlin, 2015. Pp. 204–217. [In Russ.].